

МИФ, СИМВОЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Myth, symbol, and reality

/ Ed. by Olson A.M. –

Notre Dame; L.: Univ. of Notre Dame press, 1980. –

XIV 189 p. – (Boston univ. studies in philosophy a. religion; Vol.1).

Сборник посвящен исследованию отношений мифа, символа и действительности. Имеет ли миф и символ какое-либо отношение к реальности или это просто воображение? Этот вопрос, пишет редактор сборника, профессор Бостонского института философии и религии Элан М.Олсон, в последнее время стал особенно актуальным. Недостатки прежнего историко-критического метода исследования этой проблемы могут быть преодолены, по мысли авторов сборника, только с помощью герменевтического подхода. Поэтому общая его направленность, отмечает Olson, может быть определена термином М.Хайдеггера как “возвращение” смысла, или термином П.Рикёра – “посткритическая непосредственность”.

Профессор Бостонского университета Херберт Мейсон в статье “Миф как скрытая действительность” замечает, что миф – это не просто то, чего не было, но это иная действительность, которая открывает возможности существенно расширить наш горизонт, открыть новые перспективы значений. Столкновение о реальностью, которую описывает миф, не столько дезориентирует, сколько переориентирует и готовит к восприятию действительного мира. Миф выводит за рамки обычных представлений в широкую вселенную.

Впрочем, значение мифов далеко не всегда позитивно, отмечает в статье “Миф и история” Эли Уайзел, профессор гуманитарных наук Бостонского университета. Часто мифы играют в истории роковую роль,

причем опасность, которую они скрывают, состоит не в том, что люди верят в несуществующее, а в том, что сплошь и рядом они перестают отличать существующее от несуществующего, а следовательно, не отличают и ложь от истины. Взаимоотношение мифов и истории многообразно: мифы действуют в истории, а история отражается в мифах.

В статье “Действительность, миф, символ” профессор Бостонского университета Бернард Лонергэн показывает, что различные точки зрения на значение мифов и действительность могут быть объяснены с учетом специфики познающего субъекта, его интенциональности. Существуют, говорит он, два различных типа субъектов и два различных типа миров: 1) мир детей и непосредственности и 2) мир взрослых, опосредствованный значением и ценностями. Применяя этот критерий, можно редуцировать определенную точку зрения на действительность к указанным типам интенциональности. Миф оказывается необходимым, ибо интенциональность взрослого требует полноты и общности значения о мире, в противном случае невозможно быть полноценным участником сложных человеческих отношений.

Жак Варденбург (лектор Уtrechtского университета) в статье “Символический аспект мифа” пытается дать систематический анализ символа, мифа и их отношений. Мифы существовали всегда и служили целям коммуникации между культурами, обществами и индивидами. Что касается символа, то Варденбург отмечает его характерную загадочность и неясность. Ссылаясь на П.Рикёра, он объясняет этот факт спецификой той реальности, о которой сообщает символ. Символ, таким образом, употребляется тогда, когда нечто отличается от обыденной действительности, которую описывает обычная речь, и символ оказывается единственным возможным адекватным языком. Группы и общества принимают определенные символы, отчего между их членами существует известное согласие в понимании символов. Определенный поведенческий код, ценности и нормы часто оказываются тесно связанными с символами. Варденбург различает эксплицитные и имплицитные мифы. Эксплицитный миф выражает событие или действия, имеющие символическое значение, поэтому он может быть назван “подвижным символом”. Имплицитный миф — это миф переживаемый и ощущаемый, но не оформленный в определенное повествование, хотя он также значим, подобно эксплицитному мифу. Практически в любом обществе или группе на основании определенных символических действий или высказываний можно предположить

существование имплицитных мифов. Мифы требуют объяснения того, что они означают, и в этом, считает Варденбург, заключается задача герменевтических истолкований.

Хэрольд Г.Оливер, профессор Бостонского университета, в статье “Относительная онтология и герменевтика” предпринимает попытку построения онтологии, которая, как он полагает, необходима для обоснования герменевтики. “Относительная онтология”, по его мнению, способна преодолеть недостатки субъект-объективной онтологии и связанной с ней теории интерпретации, пытающейся искать смысл мифа за его пределами.

Современный интерес к герменевтике во многом обусловлен работами М.Хайдеггера, который предсказал, что все последующие исследования по вопросам интерпретации будут обращаться к онтологическим понятиям. Оливер пишет далее, что самое название его статьи и терминология, в ней употребляющаяся, свидетельствуют о влиянии на него философии Хайдеггера.

Тема “бытие и его смысл” — излюбленный вопрос западной метафизики. Идеалисты и реалисты предлагают разные прочтения соотношения бытия и мышления. Идеалисты утверждают приоритет мышления, реалисты — приоритет бытия. “Относительная онтология, солидарность с гегелевским определением существа бытия и мышления, постигает их как единое целое: бытие предопределяет мышление, мышление — есть выражение бытия” (с.69).

Оливер противопоставляет относительную онтологию субъективистской и объективистской онтологиям, отмечая влияние на свою позицию философии Лейбница, Гегеля, Фейербаха и М.Бубера. Термин “онтология” в понимании автора означает “обобщающую теорию опыта” (с.71). “Относительная онтология” альтернативна как субъективной, так и объективной онтологии и, скорее, склоняется к гегелевскому тождеству бытия и мышления, поскольку бытие является предпосылкой мышления, а мышление рассматривается в качестве связующей нити бытия. Онтология есть теория фундаментального, причем таким фундаментальным является для автора “чистый опыт”. В “чистом опыте”, который скорее интуитивен, чем рефлексивен, нет ни субъекта, ни объекта. Парадигма интерпретации, основанная на такой “относительной онтологии”, предполагает, что весь смысл мифов заключен в них самих. Миф полностью открыт, и его истолкование не требует обращения к чему-либо за пределами мифа. Миф в конце концов является формой архетипического восприятия фундаментального, т.е. “чистого опыта”,

непосредственности и относительности. Из понятия “чистый опыт” следует вывод, что “чистой деятельностью” является только немедленная, сиюминутная деятельность. Философские теории, поясняющие внутренние связи явлений, дают, по мнению Оливера, основания воспринимать реальность как немедленную сиюминутную деятельность. Природа же “чистого опыта” и определяющая роль относительности – различные аспекты одного и того же понимания реальности.

Оливер перечисляет основные преимущества своего подхода: он позволяет рассматривать данные, не прибегая к абстракции; он применяет единственный простой принцип по отношению ко всему опыту, не ограничиваясь рамками субъективизма, объективизма либо абсолютизацией одного объекта за счет другого. Идеализм и реализм, по мнению автора, – это не более, чем “измы”.

Герменевтика, в понимании автора, есть теория изучения смысла источников, текста и всех специфических утверждений, выводов, сделанных на основании текста. Оливер предлагает свой анализ относительной герменевтики, т.е. теории интерпретации, на примерах исследования основополагающей идеи и понятия мифов, в частности библейских текстов и соответственно положений веры, вытекающих из этих религиозных текстов. Он подчеркивает, что его теория безусловно противоречит рационалистическим попыткам анализа религиозных текстов, навязывающим религии чуждые ой понятия и идеи. Смысл мифов становится сомнительным в результате рационалистического объяснения, а текст зачастую обесценивается.

Оливер является сторонником относительной трактовки мифов, а относительный подход к изучению мифов, в свою очередь, отвергает реферативную теорию.

Основополагающим для относительной онтологии является сопутствующий принцип герменевтики, гласящий, что мифы должно интерпретировать относительно. Идеи мифов, подчеркивает Оливер, являются отображением реальности как явления относительного. В подтверждение этого постулата он анализирует библейские тексты. Мифы, развивает он свою мысль далее, являются прототипами таких основополагающих понятий как “чистый опыт”, “суть”, “относительность” и отображают такое же проникновение в реальность, какое позволяет сделать относительная онтология. Назначение мифов – создание образа.

Оливер применяет свою теорию относительной трактовки мифов в отношении нескольких вопросов, связанных с интерпретацией

религиозных текстов, например, в опровержении мнения, будто религиозные тексты представляют собой исторические документы. Он критикует господствующую на протяжении последних двух веков тенденцию поиска реальной подоплеки событий, описанных в Библии, подчеркивая, что подобные историки нарушают границы рассказа, как такового. В результате, текст становится предлогом для различных гипотез. Мифы, предания и ритуальные тексты — вот в чем состоит, по мнению Оливера, существо религии.

Ханс-Георг Гадамер (почетный профессор философии Гейдельбергского университета) в статье “Религиозная и поэтическая речь” рассматривает соотношение поэтического и религиозного текстов. Нигде, кроме западной традиции, по его мнению, нет дифференциации между философией, религией и поэзией. Так, например, в трудах Платона тесно переплетены различные формы речи, поэтического и концептуального языков. Религиозный текст говорит мифами, а миф — это рассказ, который не нуждается ни в каком дополнительном подтверждении за своими пределами.

Элан М.Олсон (Бостонский институт философии и религии) в статье “Миф, символ и метафорическая истина” анализирует понимание истины символа и метафоры П.Рикёром и сравнивает его точку зрения с понятием радикальной метафоры Э.Кассирера. Сущность метафорической истины у Кассирера связана только с эпистемологией и символической организацией действительности, а Рикёр связывает анализ метафоры со “схематической текстурой” как субъекта, так и объекта. Для Кассирера интенсивный характер метафоры имеет значение только как эпистолярное и символическое воспроизведение действительности, а Рикёр использует интенсивность метафоры для выявления текстуры реальности.

Рикёр исследует природу метафоры в работе “Живая метафора”, в которой изложена его теория герменевтического круга, процесса исследования от целого к частному и наоборот. Подобный нисходящий анализ текста должен дополняться поступательным исследованием конкретных идей текста, ибо претендовать на обобщающее и определенное толкование текста, по мнению Рикёра, невозможно.

Для лучшего проникновения в природу метафоры необходимо понимание ее как “показателя отклонения” в структуре законченной фразы или предложения. Один из центральных вопросов работы Рикёра: “Что дает метафора для понимания действительности?” Проблема метафорической истины означает исследование реальной ситуации,

лежащей в основе метафорического образа. Рикёр считает, что метафора обладает свойством вызывать “семантическое новаторство”, что в интенсивности метафоры лежит ключ к поискам метафорической истины.

Олсон далее рассматривает основные теоретические положения понятия радикальной метафоры у Кассирера. Формальные и концептуальные исследования, по Кассиреру, имеют одну природу и связаны с трансцендентальной гипотезой о том, что истоки радикальной метафоры необходимо толковать в связи с природой их происхождения.

Отмечая сходство концепции Рикёра с положениями Хайдеггера, Олсон показывает, что, по мнению Рикёра, “феноменологическая объективность того, что понимается под эмоциями, неотделима от интенсивной структуры сути метафорических высказываний” (с.107), а диапазон языковых возможностей ограничивает человеческий опыт и знания. Философские исследования Рикёра тесно связаны с его философской антропологией. Метафора в понимании Рикёра — свободное производное рассуждение, она связана только с языком.

Рикёр неоднократно писал о том, что философия Хайдеггера одновременно имеет для него и притягательный, и отталкивающий характер. В работе “Живая метафора” мы вновь сталкиваемся с таким двойным прочтением Хайдеггера. С одной стороны, Рикёр признает, что именно Хайдеггер повернул язык к “дому бытия”, а с другой — хайдеггеровское утверждение, будто метафорическое может существовать исключительно внутри метафизического, вызывает у него возражение.

Последние три статьи сборника посвящены исследованию конкретных мифов и мифологий и представляют собой применение многих из тех положений, которые высказывались в предыдущих статьях. Девис Тедлок (профессор Бостонского университета), используя герменевтическую феноменологию, анализирует смысл мифов североамериканских индейцев племени зуни. Хоуадр Кларк (профессор теологической школы Бостонского университета) рассматривает процесс трансформации значения культа Изиды. Профессор философии Бостонского университета Дж.Н.Финдли в статье “Мифы Платона” доказывает, что для Платона использование мифов было не просто иллюстрацией его философии: они были введены для передачи ценностей и идеалов, составляя существенную часть его философского мировоззрения.

Н.Н.Вахатов, О.В.Ролик